

ЛЕВ ШИЛЬНИКОВ

ЧЕЛОВЕК ПОД ЛИНЗОЙ НАУКИ

ЦИКЛОИД

ШИЗОИД

РИПОЛ КЛАССИК

Наследие Шильникова

Лев Шильников

Циклоид и шизоид

«РИПОЛ Классик»

2017

УДК 159.9
ББК 88.52

Шильников Л. В.

Циклоид и шизоид / Л. В. Шильников — «РИПОЛ Классик»,
2017 — (Наследие Шильникова)

ISBN 978-5-386-14590-3

Вещи, о которых пойдет речь в этой книге, – строение тела и характеры, психологические типы и темпераменты, френология, физиогномика, гипноз, феномен гениальности и многое-многое другое – так или иначе являются предметом психологии и психиатрии. В последние годы возобладала тенденция рассматривать вид *Homo sapiens* вне его эволюционных и биосферных связей, а науку все чаще подменяют религиозными догмами. При этом критикой дарвинизма, эволюционной теории и современной биологии занимаются люди, в этих вопросах ничего не смыслящие. Справедливость должна быть восстановлена, поэтому мы поговорим о сложных формах поведения высших животных, которые несводимы к голому инстинкту и из которых, без сомнения, вырос человеческий интеллект. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 159.9
ББК 88.52

ISBN 978-5-386-14590-3

© Шильников Л. В., 2017
© РИПОЛ Классик, 2017

Содержание

Вместо предисловия	6
1. Ab ovo	8
2. Немного психофизиологии	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Лев Шильников

Циклоид и шизоид

© Шильников Л. В., наследники, 2017

© Издание. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2022

© Оформление. Т8 Издательские технологии, 2022

* * *

*Дано мне тело – что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?*
Осип Мандельштам

Вместо предисловия

В свое время немецкий психиатр Эрнст Кречмер (1888–1964) обратил внимание на очевидную связь физической конституции с психической. Оказалось, что среди шизоидов (странных, замкнутых и чудаковатых субъектов) преобладают люди астенического телосложения, а среди циклоидов (жизнелюбов, бонвиванов и весельчаков) – пикнического. Подробную характеристику этих психологических типов и обстоятельный разбор кречмеровской типологии читатель найдет в тексте, здесь же достаточно сказать, что под шизоидами и циклоидами следует в данном случае понимать абсолютно здоровых людей, но имеющих отчетливые психологические особенности определенного знака. Если шизоиду суждено заболеть психически, то почти всегда это будет психоз шизофренического круга, циклоид же более склонен к развитию депрессивных состояний. Таким образом, термины «шизоид» и «циклоид» говорят всего лишь о большей или меньшей вероятности того или иного душевного расстройства, это ни в коем случае не приговор и никаким детерминизмом здесь даже не пахнет. Полагая, что так называемая средняя норма – не более чем умозрительная абстракция, Кречмер разместил все богатство психологических типов на шкале «шизо – цикло».

Справедливости ради следует сказать, что Кречмер не был первопроходцем в полном смысле этого слова. Еще в глубокой древности делались попытки увязать психику и соматику (от греческого soma – тело) в единое целое. Древнегреческий врач Геродот за четыреста с лишним лет до Рождества Христова создал учение о темпераментах, а из-под шаловливого пера великого Аристотеля выходили такие игривые пассажи: «Человек, который близ висков имеет мясистый лоб и надутые щеки, бывает храбр, высокомерен, сердит и весьма тупых понятий». Как говорится, без комментариев... Уже в новое время «пристегнуть» физическую конституцию к тем или иным особенностям характера пробовали основоположник физиогномики Лафатер, творец френологии Франц Галль и многие другие, но немецкий психиатр впервые поставил дело на истинно научную основу. Впоследствии его пионерские работы были развиты и продолжены многими выдающимися зарубежными и отечественными психологами и психиатрами (Юнг, Шелдон, Ганнушкин и т. д.). А уже в наши дни получили широкое распространение типологические модели акцентуированных характеров в духе Леонгарда и Личко.

В то же самое время многие исследователи нередко грешили неумеренной абсолютизацией отдельных сторон человеческой психики. Одни говорили об основополагающей роли наследственных задатков (отсюда, в частности, «растут ноги» некогда весьма популярной теории о врожденном преступнике итальянце Чезаре Ломброзо), а другие, наоборот, настаивали на примате социального. Дескать, психика новорожденного младенца – это чистая доска, *tabula rasa*, на которой воспитатель волен писать все что угодно. Среда – ваятель, а биологическая почва – косная материя. Подобного рода дихотомия давно стала историей, и в наши дни ни одному серьезному ученому не придет в голову разрушать двуединство биологического и социального в природе человека.

Все эти увлекательные вещи, о которых пойдет речь в нашей небольшой книжке, – строение тела и характер, психологические типы и темпераменты, френология, физиогномика, гипноз, феномен гениальности и многое-многое другое – так или иначе являются предметом психологии и психиатрии. Исключение составляет только первая глава, в которой коротко рассказывается о проблемах антропогенеза – происхождения рода человеческого. Эта тема нам представляется тем более необходимой, что в последние годы возобладала тенденция рассматривать вид *Homo sapiens* вне его эволюционных и биосферных связей. Строгую науку все чаще подменяют замшелыми религиозными догмами. Причем сплошь и рядом критикой дарвинизма, эволюционной теории и современной биологии вообще занимаются люди, не смыслящие в этих вопросах ни уха ни рыла. Справедливость должна быть восстановлена, поэтому

мы коснемся не только биологических «корешков» венца творения, но и поговорим о сложных формах поведения высших животных, которые несводимы к голому инстинкту и из которых, без сомнения, вырос человеческий интеллект.

Если же уважаемому читателю, несмотря ни на что, все-таки неприятно происходить от обезьяны, он может пропустить эту главу безо всякого для себя ущерба.

1. Ab ovo

Начать придется издалека – с набившей оскомину байки о Пчеле и Архитекторе. Ее мораль незамысловата: животные изготавливают свои орудия и строят жилища, повинаясь инстинктивной программе, не зная заранее, что получится, а человек, прежде чем соорудить самый примитивный шалаш или обтесать непослушный камень, должен все это сначала проделать у себя в голове. Человек действует, опираясь на разум и строя план.

Слово «инстинкт» употребляется в быту как символ всего самого дурного и низменного в человеке. Дескать, венцу творения не к лицу подчиняться темным голосам подсознания. Но биологи и этологи (специалисты, занятые изучением поведения животных) рассматривают инстинкты иначе. Под ними понимаются просто-напросто врожденные программы поведения. Подобно тому как компьютер, не снабженный программами, всего-навсего бесполезная груда железа, так и головной мозг, чтобы начать функционировать, должен иметь некоторый набор специфических программ: как узнавать задачи и как их решать, как учиться и чему учиться. Любое животное (и человек здесь не исключение) появляется на свет с большим набором очень сложных и тонких разнообразных программ, которые передаются по наследству из поколения в поколение. Естественный отбор их непрерывно тасует и комбинирует. Неудачные программы безжалостно выбраковываются, удачные получают путевку в жизнь. Эволюция суровая дама: она не знает снисхождения, она предельно несентиментальна, и лестница живых существ, протянувшаяся из прошлого в будущее, полна гекатомбами невинных жертв. Это неудачники, не сумевшие приспособиться; их программы оказались недостаточно совершенными, и поэтому равнодушная природа без сожаления указала им на дверь.

Теперь имеет смысл вернуться к басне о Пчеле и Архитекторе. Вышеприведенная трактовка предполагает безусловный водораздел: инстинктивное поведение животных и рассудочное – человека. Этология на этих кабинетных теориях поставила жирный крест. Оказалось, что даже полностью инстинктивные программы по-своему не заперты для индивидуальных открытий. Аисты по своей врожденной программе ищут для постройки гнезда сломанное бурей дерево. Когда появились высокие кирпичные трубы, программа по ошибке принимала их за сломанное дерево, и некоторые аисты стали вить гнезда на трубах. Дальше – больше: их дети, запечатлев, на чем помещалось родительское гнездо, уже всю пользовались трубами. В наши дни аисты «открыли», что фермы линий электропередач тоже замечательно подходят для этой цели, в результате чего были освоены новые опоры для гнездования.

Можно привести пример инстинктивного поведения подлинно высокого класса, когда животное совмещает части двух разных программ, в обычной жизни никак не связанных. Те, кто держал дома неразлучников (это вид попугаев), знают, что эти птицы выстилают гнездо длинными листьями травы. Это одна программа, которая содержит в себе подходящий для строительства гнезда образ травы. Оказавшись в неволе, неразлучники поступают так: из обыкновенной бумаги они нарезают клювом ровные длинные полоски (необходимо заметить, что программа надкусывания и нарезания тоже врожденная, но она, что называется, совсем из «другой оперы»). Если не знать о существовании врожденных программ, то действия неразлучников можно принять за совершенно разумные.

Еще более впечатляет поведение больших синиц. Эта история вполне хрестоматийна и вошла чуть ли не в каждый учебник по этологии. Около 50 лет назад большие синицы в Англии научились выковыривать картонные затычки из бутылок с молоком, которые было принято оставлять при входе в дом. Самое удивительное заключалось в том, что примерно с той же скоростью (правильнее сказать – со скоростью распространения такой информации по миру) точно такой же прием стали обнаруживать у синиц и в других странах. С тех пор синицы уверенно соревнуются с людьми в сфере пищевых технологий: когда появились пробки из фольги,

птицы тут же научились их легко открывать; когда молоко спряталось в коробки, синицы быстро приноровились вскрывать коробки самых замысловатых форм; а когда молоко стали упаковывать в непрозрачные пластиковые емкости – быстро нашли управу и на них. Птицы великолепно поняли, что молоко – штука очень хитрая, умеющая менять обличия и изопренно прятаться. С другой стороны, они, синицы, тоже не лыком шиты: у них всегда достанет изобретательности решить задачу, которая только на первый взгляд кажется неразрешимой. Это пример по-настоящему творческого подхода: отбор изначально предполагал приемы успешной ловли насекомых, но, когда оказалось, что «диапазон приемлемости» можно легко расширить, птицы не преминули этим воспользоваться.

Ничуть не менее удивительны бобры – одновременно превосходные дровосеки и плотники, землекопы, гидростроители и гидрологи. Умело выявив все наземные и подземные стоки на маленьком лесном ручейке и надежно их перекрыв, как заправские инженеры-гидротехники, бобры создают обширное водное зеркало, питаемое разветвленной сетью искусно оборудованных каналов. Ни сложный рельеф местности, ни песчаный или глинистый грунт не являются помехой для этих впечатляющих гидросооружений. Специалисты, которым довелось познакомиться с планами бобровой мелиорации, в один голос говорят, что в каждом конкретном случае было найдено нетривиальное и оптимальное для данных условий решение, требующее не только немалых знаний (их дает инстинктивная программа), но и глубоких творческих раздумий при поиске оптимального варианта решения среди многих возможных.

Таким образом, инстинктивная основа поведения животных очень часто настолько подержана комбинированием, памятью, научением и подражанием, что о слепом следовании примитивной программе говорить не приходится. В естественных условиях интеллект, сознание или разум – называть это можно как угодно – не противостоит инстинкту, а сотрудничает с ним. Это справедливо и в отношении наших далеких предков, которые были не беднее инстинктами, чем любые другие животные. Множество инстинктов, которые унаследовал человек, не только не успели разрушиться, но, более того, они не исчезнут никогда. По одной очень простой причине: потому что они до сих пор нужны, потому что они по-прежнему исправно служат потребностям вида, составляя фундамент новой, рассудочной деятельности. Эта последняя развивалась не на пустом месте, а отталкивалась от врожденных программ.

Мы привыкли думать, что изготовление каменных орудий – безусловный признак разумности наших очень далеких предков. Классики полагали, что орудийная деятельность – надежный критерий, позволяющий однозначно ответить на этот сакраментальный вопрос. Но жизнь, как это часто бывает, оказалась много сложнее кабинетных схем.

Прежде всего, орудия орудиям – рознь. Если мы посмотрим на верхнепалеолитические или неолитические каменные изделия – все эти бесчисленные иглы, шильца, скребки и остро-конечники, изготовленные с небывалым тщанием и мастерством, – то будем вынуждены почти-точно склонить голову: такие орудия мог смастерить только такой человек, который ничуть не глупее нас с вами. Мне, скажем, такого орудия никогда не сделать – я просто не знаю с чего начать. Нужно долго учиться у мастера.

Иное дело – орудия, создававшиеся на протяжении почти двух миллионов лет: от оббитых по олдовайской технологии галек хабилисов¹ до ручных рубил питекантропов и мустьерской техники неандертальцев. Прогресса здесь почти не видно. Даже орудия неандертальцев, сосуществовавших с человеком современного типа на протяжении по крайней мере 20 тысяч лет, весьма примитивны и мало чем отличаются от древнейших рубил. Современный человек без всякой подсказки осваивает эту технологию за несколько вечеров. Всякий зоолог, знающий

¹ Homo habilis – человек умелый, четвертичный гоминид, кандидат в наши далекие предки, живший в Восточной Африке 2,5–3 млн лет назад и изготавливавший примитивные каменные орудия.

поведение животных, скажет вам, что для такого дела увеличивать мозг незачем: была бы рука подходящего строения да острый глаз.

Обыкновенный большой пестрый дятел, добывая корм, ежедневно выполняет уйму сложнейших манипуляций, отнимающих у него не менее 5 часов ежедневно. Подробное описание его деятельности займет очень много места, поэтому ограничимся кратким перечислением самого основного: а) выдалбливание своего рода «кузницы» – конического углубления в стволе дерева для заклинивания шишки; б) нахождение и отрывание (для этого существует несколько способов) новой шишки; в) освобождение «кузницы» от предыдущей, уже очищенной; г) размещение новой шишки на «рабочей поверхности»; д) разбивание ее чешуй точно нацеленными боковыми ударами и т. д. Достаточно сказать, что для разбивания еловой шишки требуется около 1500 точных дозированных ударов, а всего за день дятел выполняет их почти 40 тысяч. Подобным высококвалифицированным трудом он занят не один миллион лет, но в умники так и не выбился. Таким образом, если рассматривать древнейших людей исключительно с точки зрения их орудийной деятельности, ничто не мешает считать их умными приматами, научившимися оббивать камни в соответствии с инстинктивной программой (это не исключает того, что в других формах своей деятельности, о которой мы ничего не знаем, наш далекий предок проявлял много больше интеллекта).

Итак, хрестоматийная фраза «труд создал человека» годится в лучшем случае для поучения нерадивого отпрыска, но никак не объясняет того долгого, извилистого и во многом случайного пути, который вывел одну из линий человекообразных обезьян в люди. Не имея возможности разбирать здесь сложнейшие вопросы антропогенеза, скажем только одно: громадным отрывом от всех остальных животных человек обязан прежде всего членораздельной речи. Именно она позволила передавать от поколения к поколению все возрастающий и практически любой по содержанию объем информации. В результате успех группы или популяции стал зависеть не столько от набора генов, сколько от качества и количества знаний, полученных внегенетическим путем. Тем самым человек невольно связал отбору руки и так и остался во многом недоделанным, неотшлифованным, обремененным наследием многочисленных, часто противоречивых врожденных программ.

Это пространное отступление понадобилось нам исключительно для того, чтобы точно указать место, которое человек разумный занимает на лестнице живых существ. Несмотря на то что вид *Homo sapiens* является в значительной степени продуктом общественного развития, несмотря на противотанковые ежи и рогатки второй природы, намертво, казалось бы, отгородившие его от свободной игры стихий, биологические корни человека никуда не делись и время от времени властно напоминают о себе. Самые тонкие душевные движения и высокие порывы, которые мы привыкли считать сугубо человеческим приобретением, при ближайшем рассмотрении уводят нас глубоко вниз – в те тектонические пласты, которые мы делим с нашими далекими предками.

2. Немного психофизиологии

«Черт простого народа большей частью худой, с тонкой козлиной бородой на узком подбородке, между тем как толстый дьявол имеет налет добродушной глупости. Интриган – с горбом и покашливает. Старая ведьма – с высохшим птичьим лицом. Когда веселятся и говорят сальности, появляется толстый рыцарь Фальстаф с красным носом и лоснящейся лысиной. Женщина из народа со здоровым рассудком низкоросла, кругла как шар и упирается руками в бедра. Словом, у добродетели и у черта острый нос, а при юморе – толстый. Что мы на это скажем?»

Таким очаровательным вступлением начал свою серьезную книгу «Строение тела и характер» Эрнст Кречмер, немецкий психиатр и гипнотизер-виртуоз. Он появился на авансцене мировой психологической науки в двадцатые годы теперь уже прошлого столетия, когда Зигмунд Фрейд возводил величественное здание психоанализа, а Иван Петрович Павлов завершал постройку системы условных рефлексов. С великолепной небрежностью он объединил психологию, антропологию и эндокринологию; и даже выдавая виды физиогномика – искусство читать тончайшие душевные движения по выражению лица и моторике пациента – тоже была тут как тут. (О физиогномике, впрочем, мы поговорим в свое время отдельно.)

Будучи психиатром, Кречмер танцевал, что называется, от болезни. Имея дело с бесконечной вереницей больных и их родственников, он задался целью сравнить представителей двух главных «больших» психозов – шизофрении и маниакально-депрессивного, иначе циклотимии. Шизофрения – в буквальном переводе «расщепление души» – тяжелое психическое страдание, выражающееся в первую очередь в утрате эмоционального контакта с окружающими (так называемая эмоциональная холодность) и своеобразных расстройствах мышления. Шизофреническая симптоматика может быть продуктивной (бред, галлюцинации, своеобразные состояния сознания и т. д.) и негативной, когда эмоциональные расстройства выступают на первый план. Циклотимия, или «круговое настроение», проявляется колебаниями настроения – от крайнего возбуждения к депрессии, и наоборот.

Кречмера поразила, разумеется, не симптоматика как таковая – как профессионал он был с ней достаточно хорошо знаком. Его удивил склад личности больных, атмосфера, царящая в семьях, и даже особенности их (больных) телосложения. Шизофреники и циклотимики откровенно избегали друг друга, они как будто бы задались целью не иметь между собой ничего общего. Проследивая родственников больных в рядах поколений, Кречмер все дальше и дальше уходил от узкого клиницизма. Он неожиданно увидел, что так называемая средняя норма – чистейшей воды абстракция и нормой не является; он понял, что в любом заурядно здоровом человеке при минимальной наблюдательности не составит никакого труда разглядеть соответствующие радикалы в их зачаточном состоянии. Дело заключается только в том, что у здорового человека они сбалансированы и не бросаются в глаза, но стоит хотя бы немного переместиться по шкале влево или вправо, как переменчивая мозаичность темпераментов пропадает и на поверхность властно выплывает нечто, позволяющее надежно отграничить одну группу от другой. Так родилась знаменитая ось «шизо – цикло».

К Кречмеру мы еще вернемся, но поскольку речь зашла о темпераментах, о связи психики и соматики, необходим небольшой исторический экскурс. Темперамент – это одна из наиболее длительно изучаемых психологических категорий. История исследования темперамента насчитывает не менее двух с половиной тысяч лет. Сам этот термин в научный обиход ввел древнегреческий врач Гиппократ (460–377 гг. до н. э.). Гиппократ развивал учение о том, что темперамент определяется пропорцией четырех важнейших жидкостей организма: крови, слизи, желчи и черной желчи. Преобладание крови соответствует сангвиническому темпераменту (от лат. *sanguis* – кровь), слизи – флегматическому (от греч. *phlegma* – слизь), желчи –

холерическому (от греч. *chole* – желчь), черной желчи – меланхолическому (от греч. *melanos chole* – черная желчь). В понятие темперамента Гиппократ включал как физиологические, так и психологические черты. Типология Гиппократа – первая в истории науки классификация темпераментов. В дальнейшем она была развита древнеримским врачом Галеном (II в. н. э.) и подробно изложена в известном трактате «*De temperamentum*». Слово «темперамент» в переводе с латыни означает «соразмерность», «надлежащее соединение частей».

Согласно Гиппократу и Галену, сангвиник отличается высокой активностью и богатой жестикуляцией, он подвижен, впечатлителен, быстро на все реагирует и относительно легко переживает неприятности. Холерик чрезвычайно активен и энергичен, резок и стремителен в движениях, крайне импульсивен. В эмоциональных ситуациях проявляет несдержанность, вспыльчивость и гневливость. Меланхолик замкнут, склонен к глубоким внутренним переживаниям; его отличают низкий уровень активности, повышенная эмоциональная чувствительность и ранимость. Флегматик тоже малоактивен, но по-другому, без эмоциональной неустойчивости меланхолика: он медлителен, невозмутим, ровен, спокоен и склонен к постоянству чувств и настроений.

Эта четырехчленная классификация человеческих темпераментов пережила века и в известной мере не потеряла своего значения и сегодня. Скажем, выдающийся отечественный психолог Л. С. Выготский в своей книге «Педагогическая психология» тоже приводит эту схему, ссылаясь на детальную характеристику, данную К. Н. Корниловым (применительно к детям).

«Вот ребенок сангвинического темперамента: он худощав, строен, изящен. В своих движениях он слишком быстр и подвижен, даже суетлив; он хватается с горячностью за всякое новое предприятие, но, не имея настойчивости довести его до конца, быстро к нему охлаждает. Ум его живой и острый, но недостаточно глубокий и вдумчивый. Его чувства быстро нарастают, но они захватывают его слишком поверхностно; он жизнерадостен, любит наслаждения и стремится к ним. В общем, милое прелестное дитя, без тревожных дум о будущем, без глубоких сожалений о прошлом.

Несколько иного склада ребенок флегматического темперамента. Физически упитанный, он медлителен в своих движениях, даже инертен и ленив. Его ум, последовательный, вдумчивый и наблюдательный, блещет осведомленностью в ущерб оригинальности и творчеству. Его чувства не горячи, но постоянны; в общем – добродушное уравновешенное дитя, так мало доставляющее хлопот своим родителям и воспитателям.

Полную противоположность этим двум слабым типам детей составляют два остальных – сильных типа. Вот ребенок холерического типа. Худощавый и стройный, он слишком решителен и быстр, а потому часто опрометчив в своих движениях. Он смел, настойчив и резок в осуществлении своих замыслов. Его острый, проницательный и насмешливый ум слишком категоричен в своих выводах. Его чувства слишком страстны и резки в проявлении своих симпатий и антипатий. Он властолюбив, мстителен и склонен ко всякого рода борьбе. Ребенок наиболее беспокойный и наименее уравновешенный, доставляющий так много забот своим руководителям, но зато при благоприятных условиях воспитания много обещающий в будущем.

Иного склада ребенок меланхолического темперамента: сумрачный и не по летам серьезный, он медлителен и основателен в проявлениях своей воли. С сильным, глубоким и вдумчивым умом, он непреклонен и настойчив до фанатизма в своих излюбленных взглядах. Крайне впечатлительный, мрачный и замкнутый, он редко проявляет свои чувства. Это рано состарившееся дитя, так мало похожее на жизнерадостного ребенка, внушает своим руководителям и невольное уважение, и затаенную боязнь за его будущее» (К. Н. Корнилов, 1921 г.).

Впредь мы постараемся избегать столь пространных цитат. Вышеприведенный пассаж был выбран с двойной целью: во-первых, чтобы дать более или менее исчерпывающую характеристику четырех классических темпераментов, а во-вторых, чтобы проиллюстрировать субъ-

ективную зыбкость подобных истолкований. Автору этих строк, скажем, флегматик видится совсем по-иному. Флегматик – существо эпически спокойное, живущее по принципу «тише едешь – дальше будешь». Он не делает лишних движений, он – сама невозмутимость, полнейшее торжество принципа экономии. Флегматик, разумеется, ни в коем случае не баловень судьбы, как сангвиник, с другой стороны, он не собирается вырывать ее милости силой, подобно холерику. Мимозоподобная чувствительность меланхолика ему также чужда. Он никуда не торопится, он просто ждет. Поэтому судьба относится к нему с почтительным равнодушием, точно так же, как и он к ней. Флегматик – истинная вещь в себе, непостижимая и загадочная. В нем нет даже намека на слабость, и остается совершенно непонятным, почему автор вышеприведенных строк поместил флегматика в разряд слабых типов.

Четыре варианта человеческих темпераментов нашли свое отражение и в учении И. П. Павлова о типах нервной системы. В соответствии с этим учением, каждый тип нервной системы представляет собой совокупность трех основных свойств нервных процессов – силы, уравновешенности и подвижности. По силе раздражительного и тормозного процессов могут быть выделены сильный и слабый типы нервной системы, по уравновешенности нервных процессов – уравновешенный и неуравновешенный, наконец, по их подвижности различают подвижный и малоподвижный типы нервной системы. Эта конструкция позволила И. П. Павлову установить следующие четыре основных типа нервной системы: живой, безудержный, инертный и слабый, которым он дал следующую характеристику.

Живой тип характеризуется наличием сильной нервной системы, отличающейся вместе с тем хорошей уравновешенностью возбуждательного и тормозного процессов и их подвижностью, выражающейся в быстрой смене этих процессов (сильный, уравновешенный, подвижный).

Безудержный тип, отличаясь наличием сильной нервной системы, характеризуется неуравновешенностью основных нервных процессов, а именно – преобладанием процессов возбуждения над процессами торможения (сильный, неуравновешенный).

Спокойный тип характеризуется наличием сильной нервной системы, уравновешенностью процессов возбуждения и торможения, но вместе с тем малой их подвижностью: процессы возбуждения и торможения у этого типа медленно и с трудом сменяют друг друга (сильный, уравновешенный, инертный).

Слабый тип характеризуется наличием слабой нервной системы, малой работоспособностью нервных клеток, их быстрой истощаемостью. Этот тип нервной системы отличается слабым течением процессов возбуждения и торможения неадекватно силе получаемых раздражителей, а в отдельных случаях даже срывом в работе нервных центров, появлением при воздействии сильных раздражителей так называемого запредельного торможения вместо нормального возбуждательного процесса (слабый).

Если сопоставить типы нервной системы по Павлову с четырьмя темпераментами Гиппократов, мы увидим, что живой тип соответствует сангвинику, безудержный – холерику, спокойный – флегматику, а слабый – меланхолику. Отрадно, конечно, что флегматик перекочевал из категории слабых типов в категорию сильных (в противоположность схеме К. Н. Корнилова), но вот с сангвиником приключилась незадача. В физиологической классификации Павлова он занимает самое привилегированное положение: и сильный, и подвижный, и уравновешенный. Поэтому описание этого типа, данное замечательным наблюдателем характеров XVII века Лабрюйером, вызвало бы у Ивана Петровича крайнее негодование (справедливости ради следует сказать, что Лабрюйер запечатлел крайний вариант сангвиника). Впрочем, судите сами:

«Руффин начинает сидеть, но он здоров, со свежим лицом и быстрыми глазами, которые обещают ему еще двадцать лет жизни. Он весел, шутив, общителен, беззаботен, он смеется от всего сердца, даже в одиночку и без всякого повода, доволен собою, своими близкими, своим небольшим состоянием, утверждает, что счастлив; он теряет единственного сына, молодого

человека, подававшего большие надежды, который мог бы стать честью семьи, но заботу оплакивать его предоставляет другим; он говорит: «У меня умер сын, это сведет в могилу его мать», а сам уже утешен. У него нет ни друзей, ни врагов, никто его не раздражает, ему все нравятся, все родные для него; с человеком, которого он видит в первый раз, он говорит так же свободно и доверчиво, как с теми, кого он называет старыми друзьями; и тотчас же посвящает его в свои шуточки и историйки; с ним можно встретиться и расстаться, не возбудив его внимания: рассказ, который начал передавать одному, он заканчивает перед другим, заступившим место первого».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.